

ПЯТЫЕ ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«ЛИКИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ»

МАТЕРИАЛЫ
международной научной конференции

Челябинск, 25-26 февраля 2011 года

Часть 1

УДК 398(470)
ББК 82.3(2)
П99

Редакционная коллегия

Рушанин В. Я., доктор исторических наук, профессор, ректор ЧГАКИ
Апухтина Н. Г., доктор философских наук, профессор ЧГАКИ, директор регионального института философских и культурологических исследований – научный редактор (разделы 5–7)
Месеняшина Л. А., кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор ЧелГУ – научный редактор (раздел 4)
Берестова Т. Ф., доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе ЧГАКИ
Голованова Е. И., доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка ЧелГУ
Голованов И. А., доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы ЧГИУ
Лазарева Л. Н., кандидат педагогических наук, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников ЧГАКИ

Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры»: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 25–26 февр. 2011 г.: в 2 ч. / Челябин. гос. акад. культуры и искусств; ред. проф. Н. Г. Апухтина. – Челябинск, 2011. – Ч. I. – 354 с.
ISBN 978-5-94839-316-2

В настоящее издание вошли доклады и выступления участников V Лазаревских чтений. Первая часть сборника международной научной конференции «Лики традиционной культуры» включает доклады трех секций: «Теория и методология изучения фольклора, современное состояние фольклорной традиции»; «Фольклоризм литературы. Литературные рецепции в сфере традиционной культуры»; «Национальное самосознание и национальная личность в языке и культуре». Публикации второй части сгруппированы по следующим разделам: «Традиционные смыслы и ценности в культуре», «Социокультурные аспекты динамики традиционных форм культуры», «Пространство реализации современных форм праздничной культуры», «Поэтика и символика музыкального фольклора».

ISBN 978-5-94839-316-2

© Министерство культуры Челябинской области, 2011
© Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2011

3. Аникин, В. П. Не «постфольклор», а фольклор (к постановке вопроса о его современных традициях) / В. П. Аникин // *Славянская традиционная культура и современный мир*. Вып.2. – М., 1997. – С. 224-240.

4. Будина О. Р. Проблема традиционности современной бытовой культуры русского городского населения / О. Р. Будина, М. Н. Шмелев // *Совет. этнография*. – 1987. – № 6. – С. 22–23.

5. *Обрядовая поэзия* / сост. В. И. Жекулина, А. Н. Розов. – М., 1989. – 735 с.

Моисеева С. А.
г. Магнитогорск

БИОГРАФИЧЕСКИЙ РАССКАЗ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННЫХ КАЗАКОВ ЮГА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Культура казачьих поселений южных районов Челябинской области стала объектом исследовательских интересов магнитогорских фольклористов с 1998 г., когда была впервые организована экспедиция в п. Краснинский, Верхнеуральского района. В последующие годы полевые исследования сотрудниками лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета были предприняты в поселках Смеловск, Карагайский, Сухтеленский Верхнеуральского района; Великопетровка, Полтавка Карталинского р-на; Сыртинский, Увалька, Кацбах Кизильского р-на; Арсинский Нагайбакского р-на; Агаповка, Янгельский, Верхнекизильский, Наваринка Агаповского р-на. В результате был записан большой корпус текстов биографического содержания, репрезентирующих семейную память в современном коммуникативном пространстве.

Биографический рассказ мы рассматриваем, во-первых, как способ вербализации автобиографической памяти [3, с. 9], во-вторых, как маркер метапрагматики семейного текста в целом [4], демонстрирующего «степень рефлексии над действительностью» [1].

Пружинной разворачивания семейного текста являются высказывания: «дед – казак», «отец был из казаков», «бабушка из казачьей семьи», «прабабку замуж отдали за казака» и т. п. В текстах представители старшего поколения семьи-рода обозначены как нормативно-ценностные субъекты. Их поведение осмысливается как поведение нормативного идеала и с точки зрения общерусской традиции, и с точки зрения казачьего «внегласного» устава.

«Дед никогда не курил, никогда не пил. Дед всегда ходил в начищенных сапогах. Когда заходил в дом, вычистит на улице. Ходил он по комнате, никто никогда не говорил, не делал замечания. <...> Во всех домах у него для шапки был свой гвоздь, на который он ее вешал» [2, с. 55].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-04-85403 а/У.

«Дед был строгий, очень строгий. ... Строгий дед был у нас вообще. Воспитывал всегда в жестком порядке. Верующий. Они все были *допоследку* верующие» [2, с. 68].

Наполнение событийной канвы происходит за счет введения в биографический рассказ социально и политически маркированных тем: казаки/мужики, красные/белые казаки, долг казака.

«Сначала-то были белые, а потом перешли. Вот мне рассказывали, что <нрзб> один сын у красных, другой – у белых, и вот белые стали наступать, красные отступать. И этот, который красный, заехал к отцу: «Дай лошадь!» «Нет!»

Старики-то ведь против были. Казачество против красных. Ну, и вот *эта* [не дал]. Он [сын] зашел, поймал хорошую лошадь, заседлал ее. Он [отец] ему говорит: «Чтоб ты первую пулю проглотил!» И точно. Только через Урал переехали, и там бой, и точно в лицо прям пуля. И лошадь привели к ним. Вот ведь как. Предсказание» [2, с. 27].

«[Дедов] брат воевал, тоже участвовал, на войне был. И они с дедом встретились... В общем, он оказался на стороне белых в дутовских войсках, а дед уже за Каширина воевал. И под Кунгуром где-то они в бою встретились с дедом. В общем, рассказывали, что деду пришлось хоронить своего брата на поле. Ну, когда воевали. После отогнали дутовцев, и нечаянно кто-то там обнаружил и деду [сказал]» [2, с. 61].

«Как красные приезжали и увозили дедов-стариков на телеге, за станицей их стреляли. Ночью, говорит, шли, выкапывали, кто живой остался. Такое было. Говорит, мы стоим девчонками у забора, а дедов везут. Они вот: «Прощайте, люди добрые!» Там крестятся и режут. Вот такое было» [2, с. 67].

Функцию «повествовательной сцепки» в данном случае, на наш взгляд, выполняет травматический компонент, связанный с процессом «рассказывания» и отречения от казачьих корней, когда даже красным казакам лучше было забыть о своей принадлежности к этому сословию.

«Я говорю, со мной за парту боялись садиться: «Сын врага!» Так вот я на фронте отличился, мне говорят после боя: «Иди во вторую траншею, парторг где». Я пошел, он мне говорит: «Пиши заявление в партию!» Я говорю: «Мне нельзя, у меня отец – враг народа по линии НКВД». «Ты за отца не отвечаешь, пиши и все». И вот отца, значит, расстреляли, а я большевиком стал на фронте.

[А отец поддержал красных?] Да, он у Буденного воевал, но вот язык его сгубил» [2, с. 28].

«И вот я *че* хочу сказать, вот про это вот проклятье-то. Когда бабушка, значит, убежал в Китай, бабушка осталась одна. Ну, она уже взрослая женщина, взрослые дети. Вот у *ней* остались дети. Моя бабушка Елена, она всю жизнь жила без мужа. Её первый муж, вот он красный командир Александр Гриднев, он ее украл, увез ее в Белорецк, там родилась моя мама, в Белорецке. От него она родила четверо детей. Он ее бросит в 31-м году. У

них родился в 30-м дядя Володя, в 31-м году он ее бросил. Ушел, <нрзб> и объясняет тем, что вот я сейчас на руководящей должности, коммунист, а ты – кулацкая дочь, и мне все *тычут*» [2, с. 117].

Таким образом, эпизоды семейного пространства, связанные с событиями отречения от казачьих корней и отлучения казаков как сословия от государственной власти, лишение сословия его главной функции – защиты царя-батюшки и России-матушки, приводят к порождению высказывания «дед – казак, отец – сын казачий, а я хрен собачий». Это высказывание явилось сюжетным ядром части биографических рассказов информантов, рожденных в 1930-1940-х гг., на долю которых выпал самый жесткий период процесса отречения от казачьих корней.

«Дед – казак, отец – сын казачий, а я хрен собачий. [Супруга: «У тебя же ведь не отец, а дед казак был?】 Так они все старики – все казаки. ... Таких больших разговоров про казачество не было. Нет. Ни от отца, ни от кого, ни от деда не слышал. <...> [Дед Илья песни любил петь?】 Нет, никогда. Не пел ничего... В трезвом уме и здравии от них слова никакого не вытянешь, а как поддадут – мы, пацаны, уходили сразу. [У деда награды были?】 Этого не было ничего. Говорил: «Призвали в белую армию, нам как красные дали, мы кто за что: кто на лошади, кто за хвост – и бежать».

Казаки?! Нет, даже и не поминайте – не казак я» [2, с. 51].

Тем не менее, биографические рассказы, зафиксированные в начале XXI века от представителей семей, связывающих свое прошлое, а часть информантов и свое настоящее, с казачеством, репрезентируют устойчивость ментальных структур современных наследников казачьих родов.

Достаточно распространенное и популярное в настоящее время высказывание «казачьему роду нет переводу» связано, думается, прежде всего не с так называемым процессом возрождения казачества, а с более глубинными причинами передачи социально значимого для казачьего менталитета нормативно-ценностного опыта старших представителей исчезнувшего сословия.

«Я вот от них [от казаков] остался, и мы до сих пор занимаемся честным мужским трудом. До сих пор трудимся. Нас осталось совсем мало. У нас [в Великопетровке] жили казаки. В революцию они были за царя-батюшку и за землю-матушку. Казак должен быть, во-первых, красивый, во-вторых, хорошо одетый и вежливый, и вера, конечно, в Бога.

И сейчас у нас такая программа: ни в какую политическую партию не вступать. Наше дело – работа на земле, охрана родины. О казаках можно написать: «Это люди справедливые. Были и есть» [2, с. 33].

«[В армию когда уходил], дед говорил: “Служи, внучок, чтоб мне за тебя не было стыдно”. Вот так примерно говорил. Ну, и соответственно, чтоб Родину защищал, “Рассею”. Как он говорил: “Рассею-матушку защищать надо. Деды наши защищали, и мы должны защищать”. Сейчас я вот так тоже считаю.

Дед, помню, в армию когда меня провожали ... стоим с делом в трамвае, уже выходить, перед вокзалом, на остановке, и он мне говорит: «Командиры что требуют -- выполняй! Не забывай нас, стариков, мать с отцом, Родину свою, где ты родился, никогда не вступай ни в какие партии!» Вот это он мне сказал. Почему сказал, я понял через много лет. А в 81-м году в честь двадцать четвертого съезда ЦК КПСС меня должны были принять кандидатом в члены КПСС. Туда-сюда. Я упирался, упирался, а он меня уламывает и уламывает, уламывает и уламывает. Я, в конце концов, деда вспомню, думаю: «Елки-палки, ну, как так?» А хотел остаться служить, в военное училище имени Голицына <нрзб> поступать. <...> Написали мы [с другом Григорием] заявление. Дежурный нас будит утром. Я полежал, правда, деда вспомнил, говорю дежурному: «Звони, скажи, что Панферов передумал». Мы вдвоем с Гришей не поехали вступать. Понял я, что дед мне сказал. Сказал: «Не вступай!» Значит, не буду вступать» [2, с. 65].

Таким образом, биографические рассказы в коммуникативном пространстве современных представителей казачьих родов выполняют, на наш взгляд, функцию так называемого социально-психологического программирования, это своего рода «кинициальные нарративы», повествующие об этапах приобщения индивида к казачьему сословию, предлагающие программу этого приобщения; такие рассказы направлены на восстановление связи между поколениями семьи-рода. И наконец, биографический нарратив декларирует внутрисемейные прескрипции в контексте культурно-ценностных ориентиров казачьего сословия в целом.

1. Веселова, И. С. Событие жизни – событие текста / И. С. Веселова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova5.htm>.

2. Казачество: образы культурной идентичности: сборник фольклорно-этнографических материалов / сост. И. А. Филиппова, Т. И. Рожкова, С. А. Моисеева. – Магнитогорск, 2010. – 202 с.

3. Нуркова, В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности / В. В. Нуркова. – М., 2000.

4. Разумова, И. А. Когнитивные основы семейного нарратива / И. А. Разумова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/rasumova4.htm>.

Рогачев В. И.

г. Саранск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ СИМВОЛОВ В ФИННО-УГОРСКОЙ СВАДЬБЕ (на примере мордовской обрядности и фольклора)

В обрядах жизненного цикла финно-угров традиционно важное место занимает каравай. Это извечный крестьянский символ благополучия, благоденствия, результат успешных занятий земледелием. У мордвы, как и